

АНДРЕЕВА ОЛЬГА

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
А. Ахматова

Я родилась в игрушечном раю.
Порой он, правда, притворялся адом.
Там в голову беспечную мою
назойливо ввинтилось слово «надо»,
такое инородное. Реки
изгибы в балке прятались без счёта,
казались высоки и далеки
цветные двухэтажные хрущёвки.

Я родилась поддерживать очаг
и Золушкой копать в мелочах,
учиться чечевицу от гороха
хотя бы понаслышке отличать.
И да минует случай страховой
лоскутный свет – и ласковый, и ладный,
где с миром был надёжный уговор
у детства – в каждой клеточке тетрадной.

Рука слегка в чернилах – это я
теряюсь от сложнейшего вопроса –
какого цвета спинка воробья?
И бантики в горошек держат косы.

Тут раньше было дерево. Оно
пило корнями, возносилось в небо,
листвой светилось и цвело весной,
в ликующей головке был и небыль
сплетая в пряди, дождевой водой
промытые, змеилось сквозь тетрадки.
Теперь тут только крыши чередой
и дымоходы в шахматном порядке.

Мы гаснем долго, искрами во тьме –
вдруг занявшись и описав кривую,
немыслимую, сложную – взамен
луча, стрелы, мы проживаем всуе
и неумело... Но горим пока.
Как только отпущу своё начало –
я стану тенью в роговых очках,
как все, кто больше свет не излучает.

Кротко падало небо,
слоями на землю ложилось,
постепенно светлея.
Его колдовским хороводом
заморожен, поверил бы истово
в горнюю милость –
но себе не солжѣшь
на детекторе полной свободы,
но в е-мейле у ангела
тоже есть слово собака,
элевсинских мистерий двусмысленность,
спесь первородства, -
не высывай голову! Небо светлеет, однако
время плотно сжимается и надо мною смеётся.

Не сливайся с пейзажем,
он много сильней, он повяжет,
засосѣт – не заметишь,
сопьѣшься, сольѣшься, сотрѣшься
и ни слова не скажешь –
инерция пухом лебяжьим,
тихим тёплым теченьем заманит,
как кошку прохожий,
Одиссея – Калипсо. На пике любви и опалы
так легко раствориться
в усталости сиюминутной.
Утро – свежий цветок,
правда, мы в нём – какие попало,
недоспавшие зомби,
измятые в тесных маршрутках.

Повинуйся порывам!
Им было непросто прорваться
сквозь дремучую косность
депрессий, рефлексий, амбиций -
и затеплить свечу.
Не пугайся своих девиаций,
с Дона выдачи нет.
Изумиться, поверить, влюбиться,
в кружевном многомерном плетенье
немею и внемлю,
осыпается небо – доверчиво, бережно, хрупко,
и летят лепестки на прощённую грустную землю,

укрывая нежнейшим покровом нарывы и струпья.